Б. Кистяковскій.

Проблема и задача соціально-научнаго познанія.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала
„Вопросы Философіи и Психологіи“ кн. 112.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1912.

Проблема и задача соціально-научнаго познанія [1])

Научное знаніе переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Еще въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи начали говорить о „банкротствѣ науки". Эти заявленія совпали съ нѣкоторымъ оживленіемъ католицизма, и многія были склонны объяснять ихъ „католической реакціей". Но какъ и во всѣхъ сложныхъ вопросахъ умственнаго и общественнаго развитія въ данномъ случаѣ очень трудно рѣшить, что является причиной, а что слѣдствіемъ: вызвано ли было скептическое отношеніе къ наукѣ оживленіемъ католицизма, или же, наоборотъ, разочарованіе въ наукѣ пробудило съ новой силой потребность искать удовлетворенія въ религіозной вѣрѣ? Одно несомнѣнно—увѣренность въ научномъ знаніи въ послѣднія два десятилѣтія все болѣе слабѣла. Тотъ энтузіазмъ къ научному знанію, который въ серединѣ XIX столѣтія былъ вызванъ колоссальными успѣхами естественныхъ наукъ и связанныхъ съ ними техническихъ дисциплинъ, смѣнился холоднымъ и нѣсколько равнодушнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Открытія поразительныхъ явленій въ природѣ, какъ катодныхъ лучей и ихъ дѣйствія на фотографическія пластинки, какъ радія и радіоактивности, произведенныя въ послѣднія два десятилѣтія и расширившія наши естественно-научные горизонты, встрѣчались, какъ нѣчто давно ожи-

[1]) Статья эта представляетъ переработанное вступленіе къ курсу „Логика и методологія общественныхъ наукъ", который авторъ читалъ въ истекшемъ 1911/12 академическомъ году въ Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ.

давшееся и какъ бы само собой понятное. Въ то же время все больше подчеркивается безусловная ограниченность и, главное, относительность всего нашего научнаго знанія. Поэтому мы все рѣже встрѣчаемъ радостное, бодрое, полное надеждъ и широкихъ ожиданій отношеніе къ наукѣ. И, напротивъ, все чаще приходится наталкиваться на разочарованіе въ наукѣ, на безнадежное отношеніе къ ней и на исканіе удовлетворенія и успокоенія въ другихъ сферахъ духовной дѣятельности.

I.

Лучшимъ показателемъ этого упадочнаго отношенія къ научному знанію можетъ служить прагматизмъ. Прагматизмъ усвоилъ себѣ многія положенія, установленныя *гносеологическимъ* анализомъ научнаго знанія въ современной критической философіи. Вмѣстѣ съ нею онъ признаетъ, что реальность, съ которой имѣетъ дѣло научное знаніе, не совпадаетъ съ той реальностью, которая дана намъ въ нашихъ ощущеніяхъ и переживаніяхъ. Далѣе вмѣстѣ съ научно-философской гносеологіей прагматизмъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что во всякое научное знаніе необходимо входятъ элементы, вносимые нашимъ мышленіемъ и присущіе только ему. Наконецъ онъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что многое изъ создаваемаго нашимъ мышленіемъ въ процессѣ научнаго познанія является лишь орудіемъ познанія. Но прагматизмъ не хочетъ признать того, что есть принципы научнаго познанія, которые обладаютъ безусловною значимостью въ сферѣ научнаго знанія и которые гарантируютъ его объективность. Такъ какъ пока мы не имѣемъ возможности окончательно и безспорно формулировать ихъ, то онъ предполагаетъ, что ихъ и вообще нѣтъ. Онъ не видитъ въ элементахъ мышленія, входящихъ въ современное научное познаніе, безусловно устойчивыхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ. Онъ не считаетъ возможнымъ достичь непреложнаго знанія. А потому все знаніе для него сводится къ процессу позна-

ванія. Коротко говоря, прагматизмъ не хочетъ пойти по тому пути, который указанъ Кантомъ и его открытіемъ трансцендентальныхъ формъ мышленія или категорій научнаго познанія.

Вмѣсто постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ прагматизмъ выдвигаетъ въ качествѣ рѣшающихъ моментовъ измѣнчивые принципы фактической пригодности, пользы и интереса. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ выразителей прагматическихъ теорій В. Джемсъ утверждаетъ, что „всякое новое мнѣніе признается „истиннымъ“ ровно постольку, поскольку оно удовлетворяетъ желанію индивида согласовать и ассимилировать свой новый опытъ съ запасомъ старыхъ убѣжденій. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тѣсно примыкать къ старымъ истинамъ, и успѣхъ его зависитъ отъ моментовъ чисто личнаго, индивидуальнаго свойства. При ростѣ старыхъ истинъ путемъ обогащенія ихъ новыми большую роль играютъ субъективныя основанія. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этимъ субъективнымъ основаніямъ. Та новая идея будетъ наиболѣе истинной, которая сумѣетъ наиудачнѣйшимъ образомъ удовлетворить оба эти наши требованія. Новая идея дѣлаетъ себя истинной, заставляетъ признать себя истинной въ процессѣ своего дѣйствія своей „работы“ [1]). При такомъ взглядѣ на истину В. Джемсъ приходитъ къ заключенію, что „чисто объективной истины, — истины, при установленіи которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетвореніе отъ сочетанія старыхъ элементовъ опыта съ новыми элементами,—такой истины нигдѣ нельзя найти“ [2]).

Но если прагматисты признаютъ полезность высшимъ критеріемъ для научной истины, т.-е. для заключительной стадіи въ процессѣ познанія (поскольку они вообще готовы допустить такую стадію, хотя бы въ самомъ относительномъ значеніи понятія заключительности), то имъ ни-

[1]) В. Джемсъ. Прагматизмъ. Спб. 1910, 44.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

чего не остается, какъ признать тотъ же критерій рѣшающимъ и для оцѣнки предварительныхъ стадій познанія. Такъ, отношеніе прагматизма къ гипотезамъ В. Джемсъ опредѣляетъ слѣдующими словами: „Исходя изъ прагматическихъ принциповъ, мы не въ правѣ отвергнуть ни одной гипотезы, изъ которой вытекаютъ полезныя для жизни слѣдствія. Общія понятія, поскольку съ ними приходится считаться, могутъ быть для прагматиста столь же реальными, что и конкретныя ощущенія. Конечно, если они не приносятъ никакой пользы, то они не имѣютъ никакого значенія и никакой реальности. Но поскольку они полезны, постольку же они имѣютъ и значеніе. И это значеніе будетъ истиннымъ, если приносимая ими польза и удовлетвореніе сочетается гармонически съ другими потребностями жизни" [1]).

Можетъ показаться, что прагматизмъ, устанавливая одинъ и тотъ же критерій полезности для гипотезъ и научныхъ истинъ, возвышаетъ гипотезы до научныхъ истинъ. Въ дѣйствительности однако прагматизмъ принижаетъ научную истину и научное знаніе до уровня гипотезъ. Черезчуръ преувеличивая значеніе субъективнаго элемента во всякомъ научномъ знаніи или въ установленіи даже безспорныхъ научныхъ истинъ, истолковывая въ чисто субъективномъ смыслѣ и общеобязательныя или трансцендентальныя формы мышленія, которыя участвуютъ въ каждомъ научномъ познаніи, прагматизмъ стираетъ разницу между объективнымъ научнымъ знаніемъ и болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями и гипотезами. Теорія познанія прагматистовъ обезцѣниваетъ научное знаніе. Устремивъ чрезмѣрно большое *вниманіе* на неустойчивые и измѣнчивые элементы въ процессѣ добыванія научныхъ истинъ, прагматизмъ лишаетъ самыя научныя истины устойчивости, неизмѣнности, постоянства.

Когда *научной истинѣ* придается субъективный, неустой-

---

[1]) Там же, стр. 166.

чивый, измѣнчивый характеръ, то это естественно измѣняетъ оцѣнку и всѣхъ другихъ продуктовъ духовной дѣятельности человѣка. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія прагматизма нѣтъ разницы между научной истиной и гипотезой. Но и гипотезы бываютъ различныя—бываютъ научныя гипотезы, опирающіяся на извѣстныя логическія предпосылки, и бываютъ гипотезы, основанныя на чисто жизненныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ переживаніяхъ. Таковы, напримѣръ, гипотезы, созданныя религіозными переживаніями. Прагматизму ничего не остается, какъ примѣнять къ оцѣнкѣ ихъ значенія тотъ же критерій полезности. Такимъ образомъ для прагматизма одинъ и тотъ же критерій оказывается рѣшающимъ и въ вопросахъ научнаго знанія и въ вопросахъ религіозной вѣры. По словамъ В. Джемса, „согласно принципамъ прагматизма гипотеза о Богѣ истинна, если она служитъ удовлетворительно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но каковы бы ни были прочія трудности этой гипотезы, опытъ показываетъ, что она дѣйствительно служитъ намъ, и задача состоитъ лишь въ преобразованіи ея, такъ чтобы ее можно было гармонически сочетать со всѣми другими рабочими истинами“ [1]).

Но было бы крайне неправильно предположить, что прагматизмъ унижаетъ и обезцѣниваетъ научное знаніе и научную истину *для того*, чтобы создать лазейку для религіи и вѣры и хоть какъ-нибудь отстоять ихъ. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что именно разочарованіе въ прочности и устойчивости научныхъ результатовъ привело прагматистовъ къ убѣжденію въ томъ, что различныя гипотезы, хотя бы принадлежащія къ совсѣмъ другой сферѣ духовныхъ проявленій человѣка, имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ и научныя истины. Къ тому же прагматизмъ оказываетъ плохую услугу религіозной вѣрѣ: приравниваніе ея къ научному знанію очень опасно для нея, какъ показала исторія умственнаго развитія человѣчества; отъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 182.

такой чести вѣра должна отказаться. Истинно вѣрующій человѣкъ съ негодованіемъ отвергнетъ сопоставленіе В. Джемса гипотезы о Богѣ съ рабочими гипотезами и рабочими истинами. То же надо сказать объ отношеніи В. Джемся къ религіознымъ вѣрованіямъ отдѣльныхъ лицъ. Въ своей книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта" В. Джемсъ разсматриваетъ религіозныя переживанія мистиковъ и святыхъ съ той точки зрѣнія, которая примѣняется къ обсужденію физическихъ и химическихъ опытовъ. Конечно, такая постановка вопроса о религіи не лишена остроумія и оригинальности. Сперва она поражаетъ своею неожиданностью и рядомъ интересныхъ сопоставленій, но затѣмъ обнаруживается ея несоотвѣтствіе предмету. Въ концѣ-концовъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что она совершенно неправильна и приводитъ къ крайне превратнымъ представленіямъ о религіозной вѣрѣ. Она имѣетъ дѣло не съ вѣрой, какъ таковой, а съ психологіей вѣрованій.

Итакъ исходнымъ пунктомъ прагматизма является разочарованіе въ силѣ науки и неудовлетворенность добываемыми результатами. Однако въ концѣ-концовъ прагматизмъ успокаивается на томъ, что, выдвигая слабыя стороны современнаго научнаго знанія, подчеркивая его недостовѣрность и неправильно его обобщая, онъ совершенно обезцѣниваетъ научную истину. Вмѣстѣ съ тѣмъ подыскивая въ своей точкѣ зрѣнія новые аргументы въ пользу религіозной вѣры онъ низводитъ и самую вѣру до уровня недостовѣрнаго знанія.

II.

Еще ярче неудовлетворенность научнымъ знаніемъ проявляется у тѣхъ русскихъ мыслителей, которые отъ марксизма перешли къ мистицизму. Этотъ случай отрицательнаго отношенія къ наукѣ представляетъ для насъ еще большій интересъ потому, что онъ явился слѣдствіемъ разочарованія въ знаніяхъ, доставляемыхъ соціальной наукой и соціальной философіей. Притомъ здѣсь мы имѣемъ

уже прямой переходъ отъ знанія къ вѣрѣ, откровенное признаніе разочаровавшихся въ научномъ знаніи лицъ, что то удовлетвореніе и успокоеніе, которое они искали въ знаніи, они нашли только въ вѣрѣ. Но если личное дѣло каждаго, согласно своимъ склонностямъ, сосредоточивать свою душевную дѣятельность на тѣхъ или другихъ духовныхъ благахъ, то всѣ должны признать, что нельзя искать исхода изъ неудовлетворительнаго состоянія науки, изъ ея кризиса, въ вѣрѣ. Это двѣ совершенно различныя области душевной жизни человѣка, которыя могутъ существовать рядомъ, но которыя не должны вліять другъ на друга. Ни одна изъ нихъ не можетъ служить критеріемъ для оцѣнки другой. Иначе если мы съ точки зрѣнія одной изъ нихъ будемъ судить о другой, то получимъ неправильные и даже нелѣпые выводы.

На совершенно невѣрные выводы и наткнулся, по нашему мнѣнію, одинъ изъ нашихъ мистиковъ, пришедшій къ мистицизму этимъ путемъ, Н. А. Бердяевъ. Въ своей послѣдней теоретической книгѣ „Философія свободы“ онъ утверждаетъ, что „наука говоритъ правду о „природѣ“, вѣрно открываетъ „закономѣрность“ въ ней, но она ничего не знаетъ и не можетъ знать о происхожденіи самого порядка природы, о сущности бытія и той трагедіи, которая происходитъ въ глубинахъ бытія“ [1]). По его мнѣнію, „прославленная научная добросовѣстность, научная скромность, научное самоограниченіе нашей эпохи слишкомъ часто бываетъ лишь прикрытіемъ слабости, робости, беззолія въ вѣрѣ, въ любви, нерѣшительности избранія“ [2]). Даже въ томъ, что считается общепризнаннымъ преимуществомъ научнаго знанія, въ его обязательности для всякаго нормальнаго сознанія, придающей ему устойчивость и прочность, Н. А. Бердяевъ видитъ его недостатокъ. По его словамъ, „всякій актъ знанія, начиная съ элементарнаго воспріятія и кончая самыми

---

[1]) Н. Бердяевъ. Философія свободы. Книгоизд. „Путь“. Москва 1911, стр. 134.

[2]) Тамъ же, стр. 2.

сложными его плодами, заключаетъ въ себѣ принудительность, обязательность, невозможность уклоняться, исключаетъ свободу выбора... Черезъ знаніе міръ видимыхъ вещей насильственно въ меня входитъ. Доказательство, которымъ такъ гордится знаніе, всегда есть насиліе, принужденіе. То, что мнѣ доказано, то уже неотвратимо для меня. Въ познавательномъ воспріятіи видимыхъ вещей, въ доказательствахъ, въ дискурсивномъ мышленіи какъ бы теряется свобода человѣка, она не нужна уже“ [1]). Эту ограниченность и принудительность научнаго знанія Н. А. Бердяевъ объясняетъ тѣмъ, что оно должно подчиняться законамъ логики и дискурсивному мышленію. А по его мнѣнію законы логическаго мышленія являются разультатомъ грѣхопаденія нашихъ прародителей [2]). Но не только на нашемъ мышленіи отразилось человѣческое грѣхопаденіе, самая природа или конкретное бытіе, по мнѣнію Н. А. Бердяева, продуктъ вины. Онъ утверждаетъ, что„ вина дѣлаетъ міръ подвластнымъ закономѣрной необходимости, пространственности и временности, заключаетъ познающее существо въ темницу категорій“ [3]). Такимъ образомъ согласно этому построенію оказывается, что „логика есть приспособленіе мышленія къ бытію“, что „законы логики—болѣзнь бытія, вызывающая въ мышленіи неспособность вмѣстить полноту“, что, однимъ словомъ, „дефекты науки не въ самой наукѣ, а въ ея объектѣ“ [4]). Чтобы лучше уяснить себѣ эту точку зрѣнія, приведемъ болѣе обстоятельно выраженное мнѣніе Н. А. Бердяева о той реальной дѣйствительности, въ которой мы живемъ, и которая составляетъ предметъ науки. Онъ утверждаетъ, что „въ одинъ изъ моментовъ мистической діалектики, въ моментъ распри Творца и творенія, бытіе заболѣло тяжкой болѣзнью, которая имѣетъ свое послѣдовательное теченіе, свои уже хронологическіе мо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.

[2]) Ср. тамъ же, стр. 54 и сл., 119, 134, 140.

[3]) Тамъ же, стр. 56.

[4]) Тамъ же, стр. 55 и 57.

менты. Болѣзнь эта прежде всего выразилась въ томъ, что все стало временнымъ, т.-е. исчезающимъ и возникающимъ, умирающимъ и рождающимся; все стало пространственнымъ и отчужденнымъ въ своихъ частяхъ, тѣснымъ и далекимъ, требующимъ того же времени для охватыванія полноты бытія; стало матеріальнымъ, т.-е. тяжелымъ подчиненнымъ необходимости; все стало ограниченнымъ и относительнымъ; третье стало исключаться, ничто уже не можетъ быть разомъ А и не-А, бытіе стало безсмысленно логичнымъ“ [1]).

Ограниченному и относительному научному знанію, познающему лишь „больное“, „безсмысленно-логичное“ бытіе, Н. А. Бердяевъ противопоставляетъ вѣру. По его словамъ, „знаніе—принудительно, вѣра—свободна“; „знаніе носитъ характеръ насильственный и безопасный, вѣра—свободный и опасный“ [2]). Онъ характеризуетъ вѣру не только какъ нѣчто несоизмѣримое съ научнымъ знаніемъ, но и какъ нѣчто прямо противоположное всему разумному, осмысленному, логическому. Такъ, онъ утверждаетъ, что „въ дерзновеніи вѣры человѣкъ какъ бы бросается въ пропасть, рискуетъ или сломать себѣ голову, или все пріобрѣсти. Въ актѣ вѣры, въ волевой рѣшимости вѣрить человѣкъ всегда стоитъ на краю бездны. Вѣра не знаетъ гарантій, и требованіе гарантій отъ вѣры изобличаетъ неспособность проникнуть въ тайну вѣры. Въ отсутствіи гарантій, въ отсутствіи доказательнаго принужденія—рискованность и опасность вѣры и въ этомъ же плѣнительность и подвигъ вѣры“. „*Нужно рискнуть согласиться на абсурдъ, отречься отъ своего разума, все поставить на карту и броситься въ пропасть, тогда только откроется высшая разумность вѣры*“ [3]). Но зато, по мнѣнію Н. А. Бердяева, черезъ вѣру получается истинное знаніе, проникающее въ самую сущность бытія, т.-е. „зна-

---

[1]) Тамъ же, стр. 139, ср. стр. 119.

[2]) Тамъ же, стр. 37 и 45.

[3]) Тамъ же, стр. 45 и 46.

ніе высшее и полное, видѣніе всего, безграничности“ [1]). Понятно, что и истина, постигаемая вѣрой, совсѣмъ не та, которая познается научнымъ знаніемъ. Въ этомъ случаѣ „истина не есть отвлеченная цѣнность, цѣнность сужденія. Истина предметна, она живетъ, истина—сущее, существо“ [2]).

Все это построеніе является ничѣмъ инымъ, какъ новой варіаціей на тему credo, quia absurdum est—вѣрю, такъ какъ это безсмыслено. Наши мистики, несомнѣнно, возвращаются къ Тертулліану, которому принадлежитъ это изреченіе, и начинаютъ проповѣдывать неотертуллiанство. Объясняется это тѣмъ, что хотя они на словахъ и признаютъ автономію каждой изъ двухъ областей, какъ вѣры, такъ и научнаго знанія, въ дѣйствительности они дѣлаютъ религіозную вѣру судьей надъ научнымъ знаніемъ и подвергаютъ вѣру оцѣнкѣ со стороны научнаго знанія. Правда, въ послѣднемъ случаѣ научное знаніе служитъ не положительнымъ, а отрицательнымъ мѣриломъ; достоинство вѣры усматривается въ томъ, что ея ученія прямо и безусловно противоположны научнымъ истинамъ. Но если вѣрно то, что объекты вѣры непостижимы и ея ученія недоказуемы, то совершенно невѣрно то, что въ нихъ должно вѣрить потому, что съ научной точки зрѣнія они представляютъ безсмыслицу. Строить такъ силлогизмъ и дѣлать то заключеніе, которое сдѣлалъ Тертулліанъ, и которое за нимъ повторяютъ наши неотертулліанцы, совсѣмъ нельзя. Напротивъ, надо признать, что вѣра несопоставима и неизмѣрима съ научнымъ знаніемъ ни въ какомъ отношеніи, ни прямо, ни обратно. Если дѣлаютъ ошибку тѣ, которые отрицаютъ вѣру потому, что она не можетъ быть согласована съ научнымъ знаніемъ, то не меньшую ошибку дѣлаютъ и тѣ, которые усматриваютъ свидѣтельство непреложности вѣры въ томъ, что она во всемъ противорѣчитъ разумной истинѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 47.

[2]) Тамъ же, стр. 96.

Также неправильно оцѣнивать научное знаніе, сравнивая его съ религіозной вѣрой. Общеобязательность научной истины нельзя характеризировать, какъ принудительность, противопоставляя ее свободному воспріятію вѣры. Въ интеллектуальномъ актѣ, приводящемъ къ познанію истины, есть также свобода выбора; всякому позволено ошибаться или цѣпляться за старые предразсудки; съ другой стороны, открытіе новой истины требуетъ большой силы умственнаго прозрѣнія; и только уже установленныя научныя истины должны восприниматься всякимъ нормальнымъ сознаніемъ. Еще менѣе передъ ограниченностью научнаго познанія, его обусловленностью категоріями общаго и частнаго или единичнаго, необходимаго и случайнаго, должнаго и недолжнаго и др. можетъ быть поставлена вѣра, какъ образецъ полнаго и совершеннаго знанія. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что предметъ вѣры заключаетъ въ себѣ даже больше тайнъ, чѣмъ предметъ науки? Тайна есть по преимуществу удѣлъ вѣры. Поэтому во всякомъ случаѣ не путемъ сопоставленія съ вѣрой можетъ быть выяснена ограниченность научнаго знанія и ея характеръ. Эта сторона научнаго знанія поддается правильному освѣщенію только при сопоставленіи научнаго знанія съ гносеологическимъ идеаломъ божественнаго знанія. Только божественное сознаніе охватываетъ сразу все, а не мыслитъ, оперируя съ частями, только оно проникаетъ въ самую сущность вещей и не нуждается въ категоріяхъ общаго, необходимаго, должнаго и др., только оно постигаетъ начало и конецъ всего, наконецъ только оно безусловно предметно, т.-е. знаніе и бытіе для него тожественны. Вѣра, конечно, не дастъ такого знанія.

Такимъ образомъ во всемъ этомъ построеніи сказывается только неудовлетворенность научнымъ знаніемъ, но ему недостаетъ пониманія его истиннаго значенія. Даже съ психологической стороны и знаніе, и вѣра имъ очерчены невѣрно. Здѣсь мы имѣемъ только симптомъ научнаго кри-

зиса, но нѣтъ даже правильной формулировки того, въ чемъ онъ заключается.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что и въ средѣ нашихъ мистиковъ намѣчается болѣе опредѣленная дифференціація между представителями различныхъ тенденцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность развитія для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ другомъ, болѣе благопріятномъ для науки, направленіи. Чрезвычайно отрадное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ недавно вышедшая книга С. Н. Булгакова „Философія хозяйства“ [1]). Въ ней авторъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ сторону признанія автономіи философіи по отношенію къ религіи, и такимъ образомъ онъ какъ бы возвращается къ исходному пункту своего научнаго развитія, хотя другимъ путемъ и не отказываясь отъ своего разъ пріобрѣтеннаго общаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Къ сожалѣнію, признаніе автономнаго значенія за философіей не дополняется въ этой книгѣ, какъ мы увидимъ ниже, признаніемъ и автономнаго значенія за наукой по отношенію къ философіи. Къ тому же автономія философіи для С. Н. Булгакова есть скорѣе извѣстная тенденція мысли, чѣмъ необходимая основа философствованія, такъ какъ изначально-монистическая точка зрѣнія, на которой онъ стоитъ, не допускаетъ полнаго обоснованія автономности какой-нибудь изъ областей человѣческаго духа. Только рѣшительный какъ методологическій, такъ и особенно гносеологическій плюрализмъ можетъ представить необходимыя теоретическія предпосылки для обоснованія автономности каждаго изъ проявленій человѣческаго духа; такой плюрализмъ, конечно, не исключаетъ монизма въ конечномъ синтезѣ. Но всѣ эти и послѣдующія критическія замѣчанія не касаются общаго научнаго значенія книги С. Н. Булгакова. По всему своему духу она, несомнѣнно, научна, а не внѣнаучна, какъ книга Н. А. Бердяева.

---

[1]) Сергѣй Булгаковъ. Философія хозяйства. Книгоизд. „Путь“. Москва. 1912.

III.

Научный кризисъ особенно ярко проявляется въ области соціально-научнаго познанія, которое интересуетъ насъ здѣсь спеціально, такъ какъ мы займемся его логикой и методологіей. Неудовлетворенность соціально-научнымъ знаніемъ есть слѣдствіе полной неувѣренности въ его достовѣрности. Въ этой области какъ будто нѣтъ ничего объективнаго, прочно установленнаго, неопровержимо доказаннаго. Можно подумать, что все соціально-научное знаніе состоитъ изъ ряда противорѣчивыхъ мнѣній, теорій и построеній. Каждому предоставляется сообразно со своимъ вкусомъ выбирать изъ нихъ тѣ, которыя ему больше нравятся. Общаго и объективнаго критерія для того, чтобы предпочесть ту или другую теорію, повидимому, не существуетъ. Многіе даже прямо утверждаютъ, что надо избрать себѣ какой-нибудь соціальный идеалъ и сообразно съ нимъ рѣшать всѣ соціально-научные вопросы. Въ лучшемъ случаѣ предлагаютъ выбирать групповые идеалы или идеалы большинства. Но согласно съ этимъ часто уже прямо высказывается мнѣніе, что не только нѣтъ, но и не можетъ быть объективныхъ истинъ въ соціальныхъ наукахъ, а существуютъ только истины групповыя и классовыя. Наконецъ доходятъ даже до классифицированія соціально-научныхъ истинъ по тѣмъ общественнымъ группамъ, интересы которыхъ онѣ отражаютъ, и говорятъ о буржуазной и пролетарской наукахъ, о буржуазной и пролетарской точкахъ зрѣнія.

Это упадочное настроеніе въ соціальныхъ наукахъ наступило послѣ періода сильнаго подъема въ этой области знанія. Еще сравнительно недавно казалось, что соціальныя науки вышли на путь прочныхъ и безспорныхъ завоеваній. Подъемъ въ развитіи соціально-научнаго знанія началъ обнаруживаться съ половины прошлаго столѣтія. Сперва на него оказали опредѣляющее вліяніе успѣхи естественныхъ наукъ; въ частности казалось, что новыя открытія и но-

выя теоріи біологіи помогаютъ разобраться и въ соціальныхъ явленіяхъ и могутъ представить научную основу для ихъ изученія и разработки. Въ соціальномъ мірѣ не только открывали борьбу за существованіе, естественный отборъ, побѣду и переживаніе сильнѣйшаго, приспособленіе и т. д., но и считали, что эти начала опредѣляютъ всю соціальную жизнь и все соціальное развитіе. Сторонники этого направленія утверждали, что они наконецъ открыли естественно-научные методы изслѣдованія соціальныхъ явленій. Въ дѣйствительности это не было открытіемъ новыхъ какихъ-то истинно-научныхъ методовъ при изслѣдованіи соціальныхъ явленій, а довольно грубымъ и примитивнымъ перенесеніемъ понятій, выработанныхъ въ одной научной области, въ другую, ей чуждую область, т.-е. перенесеніе естественно-научныхъ понятій въ соціальныя науки. Завершеніе это направленіе нашло въ органической теоріи общества. Сторонники органической теоріи общества думали, что если бы удалось доказать, что общество есть организмъ, то соціальныя науки приводили бы къ столь же точнымъ и достовѣрнымъ результатамъ, какъ естествознаніе. Но и они не рѣшались просто отожествлять понятія общества и организма и проводили между ними лишь аналогію. Конечно, всѣ эти попытки приблизить понятіе общества къ понятію организма оканчивались неудачей. Теперь почти совсѣмъ исчезъ интересъ къ этимъ теоріямъ. Однако самое это научное направленіе далеко еще не опровергнуто и не изжито. Правда, отъ грубаго перенесенія естественно-научныхъ понятій въ соціальныя науки серьезные ученые отказались. Но многія естественно-научныя понятія продолжаютъ оказывать методологически неправомѣрное вліяніе на образованіе соціально-научныхъ понятій. Также точно и причинное объясненіе соціальныхъ явленій часто неправильно понимается, а иногда даже смѣшивается съ установленіемъ какихъ то „естественныхъ“ причинъ соціальнаго процесса. Значеніе этихъ методологическихъ уклоненій или неправомѣрныхъ воздѣйствій естествознанія на соціальныя науки можетъ быть

выяснено только въ связи съ изслѣдованіемъ вопроса объ образованіи соціально-научныхъ понятій, а также при разсмотрѣніи проблемы о примѣненіи причиннаго объясненія къ соціальнымъ наукамъ.

Приблизительно одновременно съ этимъ направленіемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія зародилась и другая попытка научно-систематическаго объясненія соціальныхъ явленій—экономическій матеріализмъ. Впрочемъ распространеніе и признаніе экономическій матеріализмъ получилъ только въ послѣднюю четверть XIX столѣтія. Въ методологическомъ отношеніи экономическій матеріализмъ стоитъ несравненно выше натуралистическаго направленія въ изслѣдованіи соціальныхъ явленій. Онъ стремится изъ нѣдръ соціально-научнаго знанія конструировать объясненіе соціальнаго процесса и соціальнаго развитія. Основныя понятія экономическій матеріализмъ беретъ изъ политической экономіи, и такимъ образомъ онъ оперируетъ по преимуществу съ соціально-научными понятіями. Въ общемъ онъ представляетъ изъ себя чисто соціально-научное построеніе. Только въ немногихъ случаяхъ естественно-научныя понятія играютъ въ немъ недолжную, методологически неправомѣрную роль. Эти формально-логическія и методологическія достоинства экономическаго матеріализма дополняются и достоинствами предметнаго характера. Онъ обратилъ вниманіе на многія соціальныя явленія и отношенія, которыхъ раньше не замѣчали. Благодаря его освѣщенію эти явленія предстали предъ взоромъ научныхъ изслѣдователей, какъ настоящія открытія. Въ виду этого понятно, почему экономическій матеріализмъ такъ долго завоевывалъ себѣ массу послѣдователей, и многіе были убѣждены въ его безусловной научной истинности.

Но теперь эта теорія переживаетъ тяжелый кризисъ и приближается къ своему полному упадку. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на томъ, какъ она теперь понимается представителями соціалистическихъ партій. Укажемъ только на то, что въ этихъ кругахъ она пріобрѣла теперь совсѣмъ

иное значеніе, чѣмъ имѣла раньше. Въ то время какъ прежде считалось, что экономическій матеріализмъ представляетъ изъ себя объективно-научную теорію соціальнаго развитія, истинность которой долженъ будетъ признать всякій безпристрастный изслѣдователь, пожелающій добросовѣстно съ нею ознакомиться, теперь уже прямо утверждаютъ, что экономическій матеріализмъ принадлежитъ къ разряду классовыхъ, пролетарскихъ истинъ, а потому усвоить его и правильно понять можетъ только тотъ, кто станетъ на классовую точку зрѣнія пролетаріата. Такимъ образомъ для этихъ круговъ экономическій матеріализмъ превратился въ систему разсужденій, долженствующую оправдывать ихъ вѣру въ осуществленіе ихъ идеала. А вѣра и ея апологетика, каково бы ни было содержаніе этой вѣры,—есть ли это вѣра въ царство небесное, или въ земной рай,—не подлежитъ обсужденію и оцѣнкѣ со стороны научнаго знанія.

Но и въ научныхъ кругахъ значеніе экономическаго матеріализма оцѣнивается теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ для насъ представляютъ сужденія В. Зомбарта, одного изъ самыхъ видныхъ академическихъ защитниковъ теоретическихъ построеній К. Маркса. Въ своихъ статьяхъ, написанныхъ по поводу двадцатипятилѣтія со дня смерти К. Маркса, которыя онъ выпустилъ и отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Жизненное дѣло К. Маркса“, онъ попытался опредѣлить, что представляютъ изъ себя теоретическія построенія К. Маркса съ точки зрѣнія современнаго состоянія соціальныхъ наукъ. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ при этомъ, крайне неожиданны. Возражая противъ высказаннаго Фр. Энгельсомъ въ предисловіи ко второму тому „Капитала“ сравненія формулированнаго К. Марксомъ закона накопленія прибавочной стоимости съ открытымъ Лавуазье химическимъ закономъ горѣнія, В. Зомбартъ говоритъ: „если бы дѣйствительно захотѣть оцѣнивать величіе К. Маркса съ этой точки зрѣнія и признать за нимъ

значеніе для соціальной науки лишь постольку, поскольку онъ формулировалъ неизмѣнно дѣйствующіе законы, то пришлось бы, конечно, придти къ совсѣмъ другому заключенію, чѣмъ пришелъ Фр. Энгельсъ, именно, что онъ очень мало сдѣлалъ. Ибо какой же законъ, установленный К. Марксомъ, можно привести, который бы мы признавали еще теперь правильнымъ такъ же, какъ напримѣръ законъ горѣнія?“ [1]). Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, В. Зомбартъ обсуждаетъ значеніе установленныхъ К. Марксомъ законовъ цѣнности, матеріалистическаго пониманія исторіи и соціальнаго развитія и находитъ, что въ лучшемъ случаѣ они лишь эвристическіе принципы. Но онъ считаетъ, что у К. Маркса вообще незачѣмъ и искать законовъ, подобныхъ естественно-научнымъ, такъ какъ соціальныя науки несравнимы съ естествознаніемъ. Приведемъ его собственныя слова: „я возражаю—говоритъ онъ—противъ сравненія между Лавуазье и Марксомъ не столько потому, чтобы въ немъ заключалась ошибка относительно предметовъ сравненія, сколько потому, что оно принципіально бьетъ мимо цѣли. Вѣдь совсѣмъ не пристало проводить какое-нибудь сравненіе между научнымъ твореніемъ соціальнаго изслѣдователя и трудами естествоиспытателя“ [2]). Свой взглядъ на полную противоположность естественныхъ и соціальныхъ наукъ В. Зомбартъ обосновываетъ, устанавливая свое собственное пониманіе характера и задачъ каждой изъ этихъ двухъ группъ наукъ. По его мнѣнію, „двѣ обширныя области, на которыя распадается наука, состоятъ изъ изслѣдованія природы и изслѣдованія человѣка; разницу между ними можно также обозначить, какъ изслѣдованіе тѣлъ и изслѣдованіе душъ, такъ какъ подъ изслѣдованіемъ человѣка подразумѣваются, конечно, тѣ науки, предметомъ которыхъ является человѣческая душа, въ то время какъ человѣческое тѣло, не-

[1]) *Werner Sombart.* Das Lebenswerk von Karl Marx, Iena 1909, S. 34.

[2]) Тамъ же, стр. 36.

сомнѣнно, есть предметъ естественно-научнаго изслѣдованія“) [1]). Характеризуя каждую изъ этихъ формъ изслѣдованія, В. Зомбартъ утверждаетъ, что „познавать природу это значитъ описывать ее, сводить наблюдаемыя явленія къ формуламъ, ипостазировать причины, о сущности которыхъ мы ничего не знаемъ. Познавать человѣка и его дѣйствія это значитъ объяснять, толковать на основаніи личныхъ переживаній, показывать основанія, о которыхъ мы изъ самихъ себя черпаемъ свѣдѣнія, и которыя мы, слѣдовательно, знаемъ. Говоря иначе, дѣйствительное знаніе существуетъ только въ области гуманитарныхъ наукъ, между тѣмъ какъ то, что мы называемъ познаніемъ природы, представляетъ изъ себя ни что иное, какъ описаніе явленій, о внутренней связи которыхъ мы ничего не знаемъ“ [2]).

Однако то, что В. Зомбартъ называетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, носитъ совершенно своеобразный характеръ и не обладаетъ тѣми чертами, которыя мы привыкли цѣнить въ научномъ знаніи. Вотъ что онъ говоритъ о гуманитарныхъ наукахъ: „здѣсь каждое произведеніе носитъ личный характеръ, хотя бы это былъ характеръ бездарности, какъ это по большей части бываетъ. Но великія созданія представляютъ въ высшей степени личныя произведенія, какъ Моисей Микель Анжело и Фиделіо Бетховена. Поэтому они не занимаютъ мѣста въ какомъ нибудь ряду среди другихъ научныхъ пріобрѣтеній. Они стоятъ сами по себѣ возлѣ другихъ. Они начинаютъ сначала и освѣщаютъ какую-нибудь область знанія. Не можетъ быть никакой рѣчи о какомъ-нибудь накопленіи объективнаго познанія, если не считать фактическаго матеріала; также нельзя говорить о дальнѣйшей разработкѣ его. Исторія науки о человѣкѣ представляется намъ не болѣе, какъ совокупностью послѣдовательныхъ и одновременныхъ лич-

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

ныхъ созданій, которыя затѣмъ отъ времени до времени кристаллизуются въ опредѣленныя манеры, называемыя „методами“, и вокругъ которыхъ возникаетъ часто довольно безполезная борьба мнѣній. Это уже мелкіе умы овладѣваютъ той или иной манерой своего учителя и спорятъ изъ за нея, какъ будто бы дѣло въ томъ, на основаніи какого метода видятъ, между тѣмъ какъ важно только, чтобы изслѣдователь имѣлъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, и ротъ, чтобы хорошо высказывать“ [1]). Свое пониманіе характера гуманитарныхъ наукъ В. Зомбартъ иллюстрируетъ и примѣрами. По его мнѣнію, „никто, конечно, не захочетъ утверждать, что наука исторіи сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ отъ Ѳукидида къ Тациту, къ Маккіавелли, къ Момзену, что наше знаніе жизни народовъ за три тысячи лѣтъ сколько-нибудь „увеличилось“, не считая незначительныхъ мелочей. Или никто не станетъ говорить, что наука о государствѣ сколько нибудь подвинута „впередъ“ со времени Аристотеля или Монтескье“ [2]).

Установивъ такой критерій для опредѣленія значенія соціальныхъ наукъ, В. Зомбартъ примѣняетъ его затѣмъ къ оцѣнкѣ сдѣланнаго К. Марксомъ для познанія соціальнаго міра. Онъ находитъ, что съ этой точки зрѣнія и политико-экономическія построенія К. Маркса, и теорія экономическаго матеріализма представляютъ величайшій интересъ. Въ заключеніе онъ утверждаетъ: „пускай изъ творенія К. Маркса скоро не будетъ выдерживать критики ни одно теоретическое положеніе; все-таки оно будетъ стоять передъ нашими глазами, великое и возвышенное, и его красота будетъ доставлять намъ наслажденіе. Ибо то, что дѣлаетъ его великимъ, это единственное въ своемъ родѣ проявленіе возвышающейся надъ всякимъ нормальнымъ мѣриломъ личности, соединяющей ясновидящее зрѣніе съ могучей силой изображенія и страстнымъ жаромъ души“ [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) Тамъ же, стр. 59.

Нельзя идти дальше въ растворенiи соціально-научнаго знанія въ субъективныхъ представленіяхъ, чѣмъ пошелъ В. Зомбартъ въ вышеизложенномъ опредѣленіи характера этого знанія. Какъ прагматисты проповѣдуютъ предоставленіе субъективизму полнаго простора и всѣхъ правъ въ научномъ знаніи вообще, такъ въ частности теорія соціально-научнаго знанія В. Зомбарта по существу приводитъ къ водворенію неограниченнаго субъективизма въ этой спеціальной области знанія. Единственными объективными элементами въ соціально-научномъ знаніи В. Зомбартъ, очевидно, признаетъ только художественную интуицію и художественную способность воспроизведенія. Правда, онъ самъ только намекаетъ на то, что въ его пониманіи сущность соціально-научнаго знанія имѣетъ художественный характеръ. Очень возможно, что интуиція и даръ воспроизведенія, имѣющіе дѣло съ соціально-научнымъ матеріаломъ, не вполнѣ совпадаютъ съ чисто-художественными интуиціей и творчествомъ. Но у нихъ много общихъ чертъ, такъ какъ всякая интуиція, независимо отъ того, въ какомъ видѣ и въ какой области она проявляется, всегда безотчетна, неопредѣлима и несообщаема. Нельзя научиться интуиціи и дару воспроизведенія. Совершенно невозможно установить правила и пріемы, которые помогали бы пользоваться ими. Понятно, что и въ историческомъ развитіи человѣчества не могло происходить никакого усовершенствованія и прогресса въ нихъ. Поэтому поскольку мы будемъ видѣть въ историческихъ и соціально-научныхъ произведеніяхъ только интуицію и даръ воспроизведенія, постольку ни о какомъ прогрессѣ въ этихъ областяхъ знанія не можетъ быть и рѣчи. Но съ этой точки зрѣнія и въ философіи, и въ математикѣ, и даже въ естествознаніи не могло происходить никакого усовершенствованія и прогресса. Вѣдь и въ естествознаніи интуиція играетъ громадную роль, особенно при открытіи новыхъ научныхъ истинъ; и здѣсь она совершенно неопредѣлима, не подчинена правиламъ и не можетъ быть преднамѣренно и планомѣрно усвоена.

Конечно, и всѣ естественно-научныя открытія, напримѣръ открытія Коперника, Кеплера, Ньютона, Лавуазье и т. д., разсматриваемыя, какъ процессы нахожденія истины, имѣютъ строго индивидуальный и личный характеръ. Также точно способы передачи этихъ открытій другимъ, т.-е. сообщеніе о нихъ ихъ авторами въ тѣхъ или иныхъ сочиненіяхъ и изложеніе доказательствъ въ пользу нихъ, всегда тоже совершенно индивидуальны. Но сами эти открытія имѣютъ объективное значеніе и потому они стали всеобщимъ научнымъ достояніемъ, а методы ихъ обоснованія и доказательства разработаны согласно съ общими правилами логики и методологіи. Такъ-же точно и соціально-научныя произведенія Монтескье, Руссо, Конта, Маркса и друг. безусловно индивидуальны. Но въ нихъ есть много и совершенно объективныхъ научныхъ элементовъ. Послѣдніе должны разсматриваться не только, какъ геніальныя интуитивныя прозрѣнія, а и разрабатываться согласно съ общеобязательными пріемами логики и методологіи. Игнорированіе или даже отрицаніе В. Зомбартомъ объективныхъ элементовъ въ соціально-научномъ знаніи составляетъ, несомнѣнно, ту крупную и существенную ошибку, которую онъ допускаетъ въ своемъ опредѣленіи природы этого знанія. Но именно возможность такой крупной и существенной ошибки со стороны одного изъ наиболѣе видныхъ современныхъ представителей соціальныхъ наукъ чрезвычайно характерна, какъ показатель того глубокаго кризиса, который эти науки переживаютъ теперь. Итакъ, передъ нами налицо серьезный и повсемѣстный научный кризисъ.

IV.

Но какъ ни силенъ этотъ научный кризисъ, онъ не столь опасенъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего онъ совершенно не касается естествознанія въ его чисто научномъ значеніи. Скептицизмъ въ этой области теперь невозможенъ. Онъ былъ распространенъ

въ древности и широко господствовалъ еще въ XVIII столѣтіи, но въ настоящее время онъ окончательно отошелъ въ прошлое. Завоеванія естественныхъ наукъ такъ велики, такъ важны и такъ безспорны, что скептическое отношеніе къ нимъ не можетъ имѣть мѣста. Поэтому и современный кризисъ не столько чисто научный, сколько гносеологическій. Выражая это болѣе конкретно, мы, напримѣръ, нисколько не сомнѣваемся въ общезначимости естественно-научныхъ законовъ и спокойно можемъ основывать на нихъ всѣ наши теоретическіе и практическіе построенія и разсчеты. Но само понятіе естественно-научнаго закона далеко не ясно и даже болѣе, оно во многихъ отношеніяхъ противорѣчиво.

Философы и гносеологи, анализируя наше знаніе, пришли къ убѣжденію, что изъ него неустранимы психологическіе элементы, такъ какъ и самое объективное научное знаніе представляетъ изъ себя извѣстное психическое переживаніе. Даже научно-философская система Г. Когена, который ставилъ себѣ спеціальную задачу построить строго объективное научное знаніе, не вполнѣ свободна отъ психологическихъ элементовъ [1]). Проблема психологизма и безпокоитъ современную научную совѣсть. Но она возникаетъ только тогда, когда мы изслѣдуемъ предпосылки математическаго и естественно-научнаго знанія и хотимъ свести ихъ въ цѣльную систему. Поэтому ее сознаютъ только философы, они бьютъ въ набатъ и возбуждаютъ тревогу. Конечно эта тревога творитъ свое полезное дѣло, такъ какъ если даже проблема психологизма не будетъ вполнѣ разрѣшена теоретически, то она должна быть изжита хоть практически. Но естествоиспытатели могутъ спокойно продолжать свою чисто научную работу и производить свои открытія, совсѣмъ не касаясь этой проблемы и вообще вопроса о гносеологическихъ предпосылкахъ естествознанія.

---

[1]) Ср. *Б. Яковенко.* Теоретическая философія Германа Когена. „Логосъ". 1910 г. Кн. 1, стр. 199 и сл.

Совсѣмъ другое положеніе мы наблюдаемъ въ соціальныхъ наукахъ. Здѣсь, какъ мы видимъ на примѣрѣ В. Зомбарта, мы наталкиваемся на отрицаніе возможности самого объективно-научнаго знанія въ этой области. Слѣдовательно, это не только гносеологическій, но и чисто научный кризисъ, заключающійся въ полной неувѣренности въ объективной значимости результатовъ соціально-научныхъ изслѣдованій. Однако если мы уяснимъ себѣ, какія причины вліяютъ на неустойчивость соціально-научнаго знанія, то увидимъ, что объективность этого знанія гораздо больше гарантирована, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Причинъ этихъ двѣ. Первая причина заключается въ томъ, что соціальная наука до сихъ поръ еще не обособилась и не эмансипировалась отъ соціальной философіи. Вторая причина неувѣренности въ объективности соціально-научнаго знанія заключается въ господствѣ въ соціальныхъ наукахъ совершенно особаго вида психологизма.

Что касается зависимости соціальной науки отъ соціальной философіи, то соціальная наука находится теперь приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось естествознаніе въ началѣ XIX столѣтія, когда надъ нимъ господствовала натурфилософія. Правда, вопросъ объ освобожденіи соціальной науки отъ соціальной философіи гораздо сложнѣе, чѣмъ вопросъ объ освобожденіи естествознанія отъ натурфилософіи. Здѣсь это сліяніе кажется болѣе естественнымъ и правомѣрнымъ. Соціальныя науки имѣютъ дѣло съ человѣкомъ не только, какъ съ продуктомъ природы, но и какъ съ произведеніемъ культуры; онѣ изслѣдуютъ и явленія, получающіяся въ результатѣ духовныхъ стремленій человѣка, его способности оцѣнки, его идеаловъ. Вся эта духовная дѣятельность человѣка сама по себѣ, несомнѣнно, составляетъ предметъ философіи, хотя бы и научной. Конечно, и ея результаты должны отчасти подвергаться философскому изслѣдованію, а это и ведетъ къ тому, что не проводится грань между соціальной наукой и соціальной философіей. Даже позитивисты раз-

личныхъ направленій, несмотря на то, что въ ихъ пониманіи философія не отличается отъ наиболѣе обобщенныхъ выводовъ науки, проводятъ это сліяніе соціальной науки съ соціальной философіей. Имъ проникнута соціальная система Конта, оно лежитъ въ основаніи построеній соціологовъ-натуралистовъ, наконецъ въ особенно яркой формѣ оно осуществляется экономическимъ матеріализмомъ. Тѣмъ болѣе склонны къ этому сліянію соціальной науки съ соціальной философіей философы-идеалисты, особенно не достаточно критически относящіеся къ своимъ чисто научнымъ построеніямъ. Такъ, оно принципіально отстаивается Р. Штаммлеромъ и воплощено во всей его системѣ, хотя у него можно встрѣтить и противоположныя заявленія. Чрезвычайно яркимъ выраженіемъ его является выше отмѣченная книга С. Н. Булгакова „Философія хозяйства“. Прежде всего это не „философія хозяйства“, а „философія культурной дѣятельности человѣка“. Такъ какъ во всей книгѣ С. Н. Булгакова культурно-творческій принципъ, по нашему мнѣнію, совершенно неправильно замѣненъ хозяйственнымъ принципомъ, то философская часть книги пріобрѣла такой видъ, какъ будто бы она имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ соціальной наукѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ существу дѣла. Съ другой стороны, соціально-научная часть книги С. Н. Булгакова черезчуръ кратка, схематична и суммарна. Къ тому же въ ней больше выдвинуты элементы научнаго знанія, свидѣтельствующіе скорѣе о слабости и малоцѣнности его, чѣмъ о его противоположныхъ свойствахъ. Конечно, С. Н. Булгаковъ не смѣшиваетъ соціальной философіи съ соціальной наукой; онъ ихъ строго различаетъ. Но въ то же время онъ ихъ сливаетъ въ единомъ знаніи, и при этомъ соціальной философіи достается львиная доля, а соціальной наукѣ приходится удовлетворяться лишь крохами. Нельзя, конечно, отрицать научной пользы и отъ такихъ построеній. Несомнѣнные факты свидѣтельствуютъ, напримѣръ, о томъ, что соціальная система Р. Штам-

млера, несмотря на всю ея несостоятельность, дала толчокъ многимъ изслѣдованіямъ и обратила вниманіе на такія стороны вопроса, которыя раньше игнорировались. Особенно много свѣжихъ, живыхъ и подталкивающихъ мыслей заключается также въ книгѣ С. Н. Булгакова.

Но все это не выводитъ соціальныя науки изъ того параличнаго состоянія, въ которомъ онѣ находятся. Чтобы прекратился кризисъ, переживаемый соціальными науками, должно быть *прежде всего уничтожено ихъ рабство передъ соціальной философіей*. Соціальныя науки должны быть выведены на широкую дорогу чисто научнаго знанія, по которой уже давно шествуютъ науки естественныя. Для этого въ первую очередь ихъ необходимо отграничить отъ соціальной философіи подобно тому, какъ естественныя науки отграничены отъ натурфилософіи. Вѣроятно здѣсь эта граница пройдетъ по иной линіи, чѣмъ тамъ; очень можетъ быть, что соціальнымъ наукамъ, какъ таковымъ, будетъ предоставлена болѣе узкая область, чѣмъ соотвѣтственная область естествознанія. Но эта область все-таки существуетъ. И чрезвычайно важно утвердить ее въ качествѣ настоящей науки, а не въ видѣ лишь собранія матеріаловъ и мнѣній.

Вторая причина чисто научнаго кризиса, переживаемаго соціальными науками, менѣе существенна и болѣе преходяща. Она заключается, какъ отмѣчено выше, въ господствѣ психологизма въ соціальныхъ наукахъ. Здѣсь проблема психологизма также осложнена. Не только самое соціальное знаніе, какъ и всякое знаніе,психологично, но и объектъ его—человѣкъ имѣется здѣсь въ виду прежде всего, какъ психическое существо. Поэтому и возникло предположеніе, что весь матеріалъ соціальныхъ наукъ заключается въ психическихъ процессахъ или долженъ быть сведенъ къ нимъ. Зародышъ этого соціально-научнаго психологизма сказался уже въ нѣмецкомъ научномъ направленіи, поставившемъ своей задачей изслѣдованіе „народной психологіи“

(Völkerpsychologie), и созданномъ въ свое время Лацарусомъ и Штейнталемъ. Затѣмъ провозвѣстникомъ его явился, несомнѣнно, философъ В. Вундтъ, хотя онъ и не такъ далеко пошелъ, какъ современные его сторонники, не признающіе себя въ большинствѣ случаевъ послѣдователями В. Вундта. Увлеченіе соціально-научнымъ психологизмомъ въ послѣднее время очень велико. Чрезвычайно яркій продуктъ этого увлеченія представляетъ изъ себя вышеизложенное теоретическое построеніе В. Зомбарта. У насъ этотъ психологизмъ въ самыхъ крайнихъ его выраженіяхъ проводится Л. І. Петражицкимъ.

Самъ по себѣ психологизмъ не представлялъ бы опасности для утвержденія объективизма соціально-научнаго знанія. Онъ былъ бы извѣстнымъ, можетъ быть, особенно одностороннимъ научнымъ направленіемъ на ряду съ другими. Конечно, устраненіе всякихъ матеріально-субстанціальныхъ элементовъ изъ соціальныхъ наукъ лишаетъ ихъ устойчивости. Но главная опасность психологизма для соціальныхъ наукъ въ близости психологіи къ философіи. Къ тому же психологизмъ ведетъ къ худшей формѣ философіи, именно къ солипсизму. Однако психологизмъ очень легко можетъ быть превзойденъ въ соціальныхъ наукахъ. Для этого необходимъ только болѣе тщательный и безпристрастный анализъ соціальныхъ явленій, не сводимыхъ къ психологическимъ процессамъ. Параллельно съ этимъ надо болѣе точно установить, что можетъ давать какъ теоретическая, такъ и описательная психологія для познанія соціальныхъ явленій.

V.

Соціальныя науки могутъ быть утверждены въ качествѣ объективнаго научнаго знанія только тогда, когда будетъ сознана ихъ истинная логическая и методологическая природа. Эта логическая и методологическая природа соціальныхъ наукъ не есть нѣчто, что должно быть наново от-

крыто, придумано или декретировано соціальнымъ наукамъ, а то, что уже заключается въ нихъ. Какъ во всѣхъ логическихъ и методологическихъ изслѣдованіяхъ надо исходить изъ наличнаго состоянія науки, такъ и въ данномъ случаѣ точкой отправленія должны служить тѣ теоретическія знанія, которыя уже накоплены въ соціальныхъ наукахъ. Но эти теоретическія знанія необходимо подвергнуть строгой критикѣ и анализу.

Осуществить эту критику и анализъ уже выработанныхъ соціально-научныхъ теорій можно только, изслѣдовавъ примѣнявшіеся при ихъ построеніи пріемы мышленія. Лучше всего можно изслѣдовать, какіе пріемы мышленія примѣняются и должны примѣняться въ соціальныхъ наукахъ, если распредѣлить всѣ встрѣчающіеся при этомъ вопросы между небольшимъ числомъ основныхъ проблемъ. Такихъ основныхъ проблемъ логики и методологіи соціальныхъ наукъ три.

Прежде всего это вопросъ о томъ, какъ образовывать соціально-научныя понятія. Этотъ вопросъ нельзя сводить къ отношенію между общимъ и частнымъ въ соціально-научномъ знаніи, къ чему обыкновенно сводится значеніе понятій. Свойство соціально-научнаго матеріала таково, что основной вопросъ при образованіи понятій заключается здѣсь въ полученіи тѣхъ наиболѣе простыхъ элементовъ, изъ которыхъ должны состоять понятія. Всякое понятіе состоитъ изъ признаковъ, а признаки должны быть хотя бы относительно просты. Но предметы соціально-научнаго изслѣдованія въ высшей степени сложны и многообразны. Логическая и методологическая задача и заключается въ томъ, чтобы показать, какъ добываются тѣ наиболѣе простые признаки соціальныхъ явленій, которые могутъ быть комбинированы въ дѣйствительно научныя понятія. Съ этой точки зрѣнія и должны быть критически проанализированы прежде всего наиболѣе основныя соціально-научныя понятія. Таковы понятія общества, государства, права, хозяйства и т. под.

Вторая основная проблема логики и методологіи общественныхъ наукъ заключается въ вопросѣ о томъ, насколько примѣнимо причинное объясненіе къ соціальнымъ явленіямъ. Иначе говоря, въ какихъ формахъ и видахъ причинныя соотношенія могутъ служить для пониманія послѣдовательности соціальныхъ явленій? Конечно, вопросы о причинности и закономѣрности, о многозначности причинъ и т. д. пріобрѣтаютъ своеобразное значеніе въ примѣненіи къ соціально-научному матеріалу. Но особенный интересъ вызываетъ здѣсь вопросъ объ опредѣленіи границъ между установленіемъ, съ одной стороны, общихъ, а съ другой — индивидуальныхъ причинныхъ соотношеній.

Наконецъ третья соціально-научная логическая и методологическая проблема заключается въ опредѣленіи роли и значенія нормъ въ соціальной жизни. Что нормы извѣстнымъ образомъ формируютъ соціальную жизнь, не подлежитъ сомнѣнію. Но въ чемъ заключается ихъ воздѣйствіе на соціальныя группировки, и въ какомъ отношеніи находится это воздѣйствіе къ дѣйствію причинныхъ соотношеній — эти вопросы должны быть проанализированы логически и методологически. Въ связи съ вопросомъ о роли нормъ въ соціальной жизни необходимо касаться и проблемы оцѣнокъ и значенія цѣлей для того или иного хода соціальнаго процесса.

Всѣ остальные вопросы логики и методологіи соціальныхъ наукъ такъ или иначе входятъ въ эти три основныя логическія и методологическія проблемы. Двѣ первыя изъ нихъ должны ставиться и рѣшаться совершенно независимо отъ соціальной философіи. Напротивъ, это—проблемы общія для соціальныхъ и естественныхъ наукъ. Въ каждой изъ этихъ научныхъ областей онѣ лишь пріобрѣтаютъ особую модификацію. Только третья проблема нуждается и въ соціально-философскомъ разсмотрѣніи.

Всестороннее уясненіе логическихъ и методологическихъ пріемовъ и средствъ, находящихся въ распоряженіи соці-

альныхъ наукъ, приведетъ, несомнѣнно, къ утвержденію научной объективности, доставляемыхъ ими знаній. Это путь ведущій къ самосознанію науки. А самосознаніе не только у людей, но и у наукъ способствуетъ къ ихъ самоуваженію. Тогда прекратится и рабская зависимость соціальной науки отъ соціальной философіи.